

ВРЕМЯ ДУГИНА

Публикуем отклики членов Изборского клуба на трагическую гибель Дарьи ДУГИНОЙ

Сергей ЧЕРНЯХОВСКИЙ. Вряд ли наступающее время будет "Временем Дугина" если иметь в виду "Время Цивилизаций Суши", "Время Четвёртой политической теории" (их уже четыре, если говорить о мировых политических: либерализм, коммунизм, консерватизм и национализм) или "Время Евразийства" — при всём экзотическом изяществе последнего конструктора.

При этом, конечно, приходит время больших смыслов и больших смыслов, время большого выбора и больших самоопределений. Точнее, запрос на всё названное возник раньше, но не был удовлетворён. Художественно-философские конструкции Александра Дугина — это как раз результат такой неудовлетворённости и попытки дать ответ на нарастающий вал вопросов.

Запрос на большие смыслы и на большой выбор, то есть запрос на выбор смыслов — это метафориче-ски и есть Дарья Дугина и её выбор.

И в этом отношении можно говорить не о вре-мени Дугина, а о времени Дарьи, потому что здесь важен поколенческий выбор.

Убийство Дарьи стало символическим ударом, направленным против её выбора и её права на большой выбор смыслов.

Напрасно те, кто говорит о ней, подчёркивают именно её приверженность православию и русско-сти. Важнее другое: искренность, светившаяся в её глазах, энергетика, чувствовавшаяся в её мимике и пластике. И какой-то добрый и тёплый свет, не только наполнявший её, но уже и исходящий от неё и горевший в её глазах. Как будто сама она станови-лась Солнцем. У Сергея Лукьяненко есть книга, на-писанная давно, ещё в начале 1990-х, — "Малыч и Тьма". Там описан мир, жители которого продали торговцам другого мира свой Свет — обменяли на вал предметов комфортного быта и получили боль-шой комфорт — и жизнь в темноте.

Замки Тьмы, в подвалы которых крылатые слу-жители Тьмы свозят похищаемый ими Свет и похи-щаемых ими детей, из которых они создают крыла-тую гвардию Тьмы.

В этот мир приходит Солнечный зайчик, который начинает светить людям и увлекать их надеждой и стремлением вернуть в мир Свет. И когда восста-вятся врываються в замки Тьмы — в подвалы, запо-ленные проданным Светом, — туда проникает Сол-нечный зайчик, сливаясь с этим светом и становясь новым Солнцем, встающим над освобождённым от Тьмы миром.

Дарья хотела быть воином добра и света — и была подобна этому Солнечному зайчику, который в итоге стал Солнцем.

И её заслуга не в том, что она была за право-славие и за русских, дело в том, что она была за добро и свет.

Она символична, как символ поколенческого вы-бора в эпохе битв, новый вал которых заполняют мир. Потому что та оборонительная борьба, которую страна вела за свет против тьмы последние треть века, была, к сожалению, лишь оборонительной борьбой с рэдриками и не очень решительными кон-тра-такми. Но оборона — это смерть того, что оборо-няется: для победы нужно наступление.

Та борьба, которая велась, велась в основе своей другими поколениями — теми, кто так или иначе, но проиграл схватку за страну на рубеже 1980–1990-х. И даже ведя борьбу, вёл её с чувством обречённости и экзистенциальным желанием хотя и проиграть, но с очищенной совестью перед взгля-дом того другого, кто смотрит на нас из глубины на-шего подполья.

Должно было прийти время тех, кто будет вести эту борьбу, чтобы победить. И поэтому её постара-лись убит, чтобы заглушить всех тех из её поколе-ния, кто захочет пойти её путём, кто захочет бо-роться не ради процесса, а ради победы и результата. Но и победить могут только те, кто готов умереть за победу.

Дарья сделала свой выбор — и выбрала свои смыслы. И отдала за них жизнь, потому что её це-лью была Победа. И не надо говорить, что она по-гибла не в бою на поле боя и она не ровня героям, погубившим сегодня за освобождение Украины от нацизма. Она погибла, по большому счёту, как и Зоя Космодемьянская: ведя свой бой, сделав свой вы-бор и приняв свои смыслы, отстаивая в своих ста-рцах, выступлении и своей работе то, во что ве-рила, и говоря то, что думала, называя фашистов фашистами, врагов — врагами, подонков — подон-ками и убийц — убийцами.

И это — её время. И ещё. Художественные конструкции Александра Дугина — это его художественные конструкции, вы-зывающие разные эстетические реакции. Но Дарья, сделав свой выбор, пошла по его пути. И уже это — ситуация, когда дочь принимает путь отца, — не мо-жет не вызывать уважения. И когда она на этом пути отдаёт свою жизнь за свои взгляды и свои смыслы, не может не вызывать почитания и преклонения.

Тем более когда недавняя история показывала совсем иное. Почему треть века назад погибла страна? Потому что многие предали путь своих от-цов и всё то, за что их деды и отцы умирали и в 1917–1920 и в 1941–1945 годах.

Дарья как бы своим выбором и своей смертью за всех искупала вину предательства предыду-щего поколения.

Наверное, на избранном ею пути она ушла бы и дальше отца — но именно это и важно, и честно: можно уйти дальше отцов — важно не свернуть с их пути и не предать их мечты.

Когда-то Ленин говорил: "Каждое поколение своим путём приходит к социализму". Речь в дан-ном случае не о социализме (хотя, кста-ти, не о ка-питализме же в душе мечтала Дарья) — речь о том, чтобы остаться верным пути и мечте отцов, вы-брать свободу, как им служить — но служить именно им. И победить.

И ещё о Ленине. Когда-то, в начале 1917 года, выступая перед молодыми социалистами в Швейцарии, он сказал: "Мы, старики, может быть, не дожи-вём до решающих битв этой грядущей революции. Но я могу, даюется мне, высказаться с большой уве-ренностью надежду, что молодёжь... будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей... революции".

Из этого его критики часто делают вывод о том, что он не ждал и не предвидел приближающееся свержение царизма и революцию в России. Но только, отсылая к этим строкам, стараются не упо-мянуть им предшествовавшие: "Европа чревата ре-волюцией". И вот именно к последним он добавляет: "Мы, старики, может быть, не доживём до решаю-щих битв этой грядущей революции". И одно и дру-гое было правдой: было близко до революции, но до решающих битв — ещё очень далеко.

Речь шла о революции как переустройстве всего мира. Если хотите, решающей битве добра и зла, света и тьмы — эта битва идёт уже столетие, и ре-шающее сражение всё ближе. И речь не только об Украине, над которой не первый год нависла тьма фашизма, — речь о современной цивилизации, бро-сившейся на защиту этой тьмы.

И в этой битве Дарья Дугина сделала свой вы-бор. И отдала за него свою жизнь.

Это — её время, время Дарьи. Время выбора между добром и светом, большими проектами переустройства мира, выбора в пользу цивилиза-ции Познания и Созидания — и злом, темнотой цивилизации детерминированного прозябания, цивилизации подчинения трансцендентности внешней предопределённости и животной-ком-фортному потреблению.

Как в сказаниях, выбор трёх дорог: либо вперёд и выше, к созиданию и преобразованию мира, либо в сторону, к мечте о сытой комфортности, либо куда-то назад, в Средние века, к признанию верхов-ной власти трансцендентности. Потому что недавно и страна погибла оттого, что полвека назад на место приоритета больших проектов выбрала приоритеты спонтанного развития и сытного комфорта.

Владислав ШУРЫГИН. Четверть века назад в атомном реакторе газеты "Завтра" родился проект "День война" — газета в газете, рассчитанная и обращённая к русским "кшатриям" — воинам, лю-дям избравшим своей судьбой служение Отече-ству, защиту родной земли. Это было исключи-тельно трудное время. Ельцинизм — жуткий франкенштейн, собранный из радикального либе-рализма, компрадорской безродной олигархии и абсолютистской, насквозь коррумпированной госу-дарственной бюрократии — просто раздавил страну. Высасывал из неё жизнь, убивал. Это было время, когда военным по три-четыре месяца не платили зарплату, когда окончательно остано-вились лишённые оборонного заказа заводы, по-грузились во тьму верфи, отключённые Чубайсом от электросетей. Когда летать и плавать было просто не на чем: запасы керосина и топлива со-ставляли меньше 10 процентов от требуемого. И в это страшное время появился "День война" — га-зета о тех, кто защищает Россию, газета для тех, кто её защищает. Газета, закачивавшая живитель-ный кислород веры в будущее в отравленную, умирающую армию, в парализованный ВПК.

Мне выпала честь редактировать "День война", и я очень хорошо помню, как рождался его первый номер. Помню, как я долго искал того, кто мог бы за-пустить сердце проекта. Написать его манифест. И, перебрав многих известных писателей, патристиче-ских политиков, чьи имена гремели тогда в обще-ственном пространстве, я обратился, пожалуй, к са-мому эпатажному и радикальному философу начала 1990-х — Александру Дугину. Философу, сформулировавшему, как многим тогда казалось, радикальную идеологию русского евразийства XXI века. Идеологию, продолжавшую линию русских славянофилов Леонтьева и Данилевского, утверж-давших, что Россия, Россия-Евразия есть самостоя-тельная цивилизация, принципиально отличная как от Запада, так и от Востока, что России надо срав-нивать не с одной из западных держав, а с Западом в целом или с одной из восточных цивилизаций, на-пример, с китайской цивилизацией или исламским миром. Именно Дугин впервые сформулировал суть конфликта между Россией и Западом, претендова-вшим на универсализм своих ценностей и потому от-казывавшим России в праве на собственный путь и собственный цивилизационный проект. Несмотря на огромную занятость, Александр Гельевич живо от-звался на приглашение и саму идею издания "Дня война" и специально для первого номера написал программную статью "Воина — наша мать" — ра-боту удивительной силы, пророческую и страшную.

В сети, по счастью, она сохранилась и можно найти её полный текст. Поэтому я лишь на-помню несколько цитат, написанных четверть века назад:

"Существует досадное предубеждение, будто мир во всех случаях предпочтительней войны. И несмотря на объективную картину человеческой истории, несмотря на постоянную и всё более масштабное опровержение пацифистских утопий, эта наивная, в высшей степени безответственная позиция и не думает испаряться. Напротив, аргумент мира — "лишь бы не было войны" — стано-вится всё более и более решающим для приня-тия важнейших судьбоносных решений.

Сплось и рядом апологеты "мира любой це-ной" тчатся подтвердить своё убеждение ссыл-ками на Евангелие, на антиимпериалистский ха-рактер христианской этики. Но в этом заключена важная смысловая подмена. Вспомним слова Спасителя: "Мир оставляю вам, мир Мой даю вам: не так, как мир даёт, Я даю вам" (Ин. 14:27). Жаль, что в современном русском языке слова "мир" как покой, как невоинна и "мир" как вселен-ная пишущся одинаково, хотя имеют совершенно различный смысл. До реформы Луначарского, упразднившего в русском и, в самом написании этих слов имелась наглядная разница: мир как невоинна писался точно так же, как и сегодня — через обычное И, а мир как вселенная, как кос-мос через I — мир. Поэтому важно, что мир, дару-емый Христом, есть "мир немирской, надмирный, горный". Более того, в вышеприведённом месте евангельского текста это противопоставление подчёркивается: качество мира Христа совер-шенно иное, нежели мир у мира его. Легко раз-глядеть между этими понятиями противопостав-ление: вечный покой небесного рая противопосто-ит основной характеристике мира дольного, движи-мого беспрепятственно неустойчивым буйством стихий. Тут вспомним Гераклита: "Вражда есть отец ве-щей". И поэтому мир Христов противоположен не одному из состояний нижней реальности, но всей этой реальности вместе взятой. Парадоксально, но горный мир, мир истинного мира воюет с миром дольным, попавшим под власть дьявола. И снова недвусмысленно утверждает это сам Спаситель: "Думаете ли вы, что Я пришёл дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение". Разделение на агнцев и козлищ, не пошедших за Христом, Сы-ном Божиим, и оставшихся в лапах дьявола. И эти две группы, два лагеря будут находиться между собой в неснимаемой вражде до сконча-ния века. Перемирие между ними невозможно, а призывы к нему кощунственны — между злом и добром не бывает консенсуса. И "мироворцы" блаженны лишь постольку, поскольку несут с со-бой именно немирской мир Христа, а не тщетные призывы обоим сторонам сойтись на чём-то среднем, на компромиссе, на взаимных уступках".

"...Можно сколь угодно жестоко карать за "про-паганду войны", но войны не избежать. Никуда от неё не деться, никак её не обойти. На войне и брани построены основы мира его, составляю-щие главнейшее его качество. Будучи брошен-ными в мир земной, мы помимо нашей воли моби-лизованы на фронт. И этот факт мы должны принять. И не решив на практике проблему вой-ны, не ответив так или иначе на её вызов, мы не способны двинуться ни в одну из сторон бытия.

"...Война так же неотменима, как и сама смерть. Тот, кто готовится к участию в битве, тот, кто отказывается от роли солдата, тот запи-сывает себя не в десертиры, но в жертвы. Рано или поздно война достигнет его. Но достигнет не как живого и свободного, сознательно принимаю-щего на себя бремя ответственности, наложен-ное условиями рождения в земном мире, а как жалкую неодушевлённую куклу, как пассивный предмет, возманивший задёшево ускольз-нуть от могущественного предопределения.

От войны не уйти, и не надо пытаться. Важно, напротив, постараться точно определить свою при-надлежность к своему войску и к своей части, при-обрести навыки боевого искусства. Неважно, она уже объявлена или пока ещё нет. Война не заставит себя ждать. Она предопределена. Другое дело — какая война, за что, с кем и где? Но это востребо-пенно. Главное — осознать факт мобилизации, принять его. А дальше начинается иная история.

"...Война заставляет человека заново и ценой огромного личного усилия утвердить свою при-надлежность к общине. В этом социальный или национальный, если угодно, смысл войны. Во-ина всегда дело коллективное, всегда направ-ленное на какую-то общую цель — либо на со-хранение народа или государства, либо на увеличение их мощи, их пространств, их жизнен-ных регионов. Но все эти типы войны связаны с понятием уникальности культурной формы, так как именно конкретная и особенная культурная форма делает народ народом, а государство го-сударством. В войне решаются судьба и объём укоренённости в реальности сложного коллек-тивного проекта, дающего смысл существова-нию народа или цивилизации — как в малом, так и в великом. Всегда приходит момент, когда на эту культурную форму обрушивается враг, жела-ющий её надломить, расколоть, переварить, присвоить. Или наоборот, всегда приходит мо-

мент, когда сила, мощь и переизбыток внутрен-ней энергии требуют выхода. А осуществиться это может лишь за счёт другого..."

"...Если люди не будут защищать свой народ и свою веру на войне, они потеряют связь с этим народом, превратятся в жалкие бродячие атомы, а вера их утратит спасительную силу, станет плоской, недееспособной, ханжеской мел-кобывовой моралью. Отказ от войны, бегство от войны, неготовность к войне свидетельствуют о глубоком вырождении нации, о потере ею сплочённости и жизненной упругой силы. Тот, кто не готов сражаться и умирать, не может по-настоящему жить. Это уже призрак, полусущес-тво, случайная тень, несомая к развеванию в пыли небытия. Поэтому везде, даже в самой мирной из цивилизаций — в христианской цивилизации никогда не прекращалась культ войны и культ воина, защитника и хранителя, стража тонкой формы, которая и давала нации смысл и содержание. Не случайно так почитаем право-славными святой Георгий — воин за веру, за-ступник за православный люд, спаситель ещё земного, но уже православного (то есть уже ставшего на небесные пути) царства..."

Сегодня трудно себе представить, но эти слова были написаны после проигранной пер-вой чеченской кампании, хасавюртовского пре-дательства и позорного выхода наших войск из Чечни, превратившейся в Ичкерия. Эти слова прозвучали, когда в Кремле почти на каждом этаже сидели американские советники-контро-лёры, когда Россия безвольно плелась, привя-занная за узду к американскому конестога-фур-гону. Сдавала своих друзей, бросала миллионы соотечественников без поддержки и помощи...

И среди этого понурого рабства громом зvu-чали слова Дугина: "...Тьма народов и народов, культур и культов бросили нам, русским, смер-тельный вызов. Запад как цивилизация отказы-вает нам в праве на то, чтобы мы могли быть иной, отличной от него цивилизацией — и это война. Наши бывшие братья по единому государ-ству отказывают нам в том, чтобы уважать нашу силу и наш масштаб — и это тоже война. Запад-ные соседи, поощряемые атлантисским могуще-ством, угрожающе потрясают нам хилыми ры-жими кулачками — и это война. Азиатские орды косят злым глазом на наши южные и восточные просторы — и это война. Наша добрая весть, вы-страдавший, выплаканный, отвоёванный нами восторг Русской Духовной Мечты оплеваны сто-ронниками иных культурных форм — и это война. Мы стремительно растворяемся в небытии как призрак, теряя своё единство, свою сплочён-ность, своё русское, самобытное, уникальное, тревожное и необъятное Я" — и это война.

Нас окружает, призывает лижет нас шерша-вым языком пламя войны..."

Тогда эти слова казались чем-то запретным, не-возможным, но всего через три года уже от совер-шенно другого человека мы услышали: "Мы будем преследовать террористов везде. В аэропорту — в аэропорту. Значит, вы же меня извините, в туалете поймает, мы и в сортире их замочим, в конце кон-цов. Всё, вопрос закрыт окончательно..."

С тех пор в нашей истории произошли текто-нические сдвиги. Был сокрушён терроризм на Северном Кавказе, разгромлен грузинский агрес-сор, возвращён Крым, разгромлены террористы в Сирии. Россия вновь стала великой мировой державой, мы вернули себе своё место на миро-вом политическом и историческом Олимпе.

Сегодня Александра Дугина уже величают чуть ли не политическим советником Кремля, главным идеологом. Но он не стучался в крем-лёвские ворота, не искал туда пути. Он просто был провидцем. Философом, очень хорошо ви-девшим путь, которым Россия сможет вы-браться из ямы, куда её толкнули противники. Видевшим и не боявшимся о нём говорить...

"Ценно то, что оплачено кровью. Прекрасно то, в основе чего лежит самоотверженный под-виг. Возвышенно то, за что не жалко отдать мно-жество жизней — свою и чужие.

Родина — это понятие напитано смертью и кровью тех, кто полёг в великом деле создания порядка из разрозненных фрагментов реаль-ности. Родина — конкретная форма, объединяю-щая все ценности, все утверждения, все транспер-сональные запасы эмоционального мира, прони-зывающие рода и поколения...

"...Как эпифатия, как возвышенное оправдание погибшим только одно это священное слово, и война как путь приобретает новый смысл, доступ-ный уже не только пассивному добровольцу, богатырю, герою или ландскнехту, но и любому простому человеку, к которому обращается в ин-тимный момент голос его собственной природы..."

"...Перед лицом Родины, ценности выше всех ценностей, ты не имеешь права на личное мне-ние, на свою позицию. Ты обязан идти на войну. У тебя нет выбора..."

Никто и никогда теперь не сможет прекнуть Дугина в "теоретизировании" или "отстранён-ности", в том, что его слова — всего лишь слова, за которыми не стоит личное участие. На алтарь Победы его семья принесла самую сакральную и страшную жертву — дочь Дашу, подло убитую террористами 20 августа. И не случайно на про-щании с Дашей он сказал: "...у не было бы одно желание: не помните обо мне, не прослав-ляйте меня, сражайтесь за нашу великую страну, защищайте нашу веру, наше святое пра-вославие, любите наш русский народ, потому что она погибла за народ, она погибла за Рос-сию на фронте, и фронт этот здесь. Не только там — здесь, в каждом из нас.

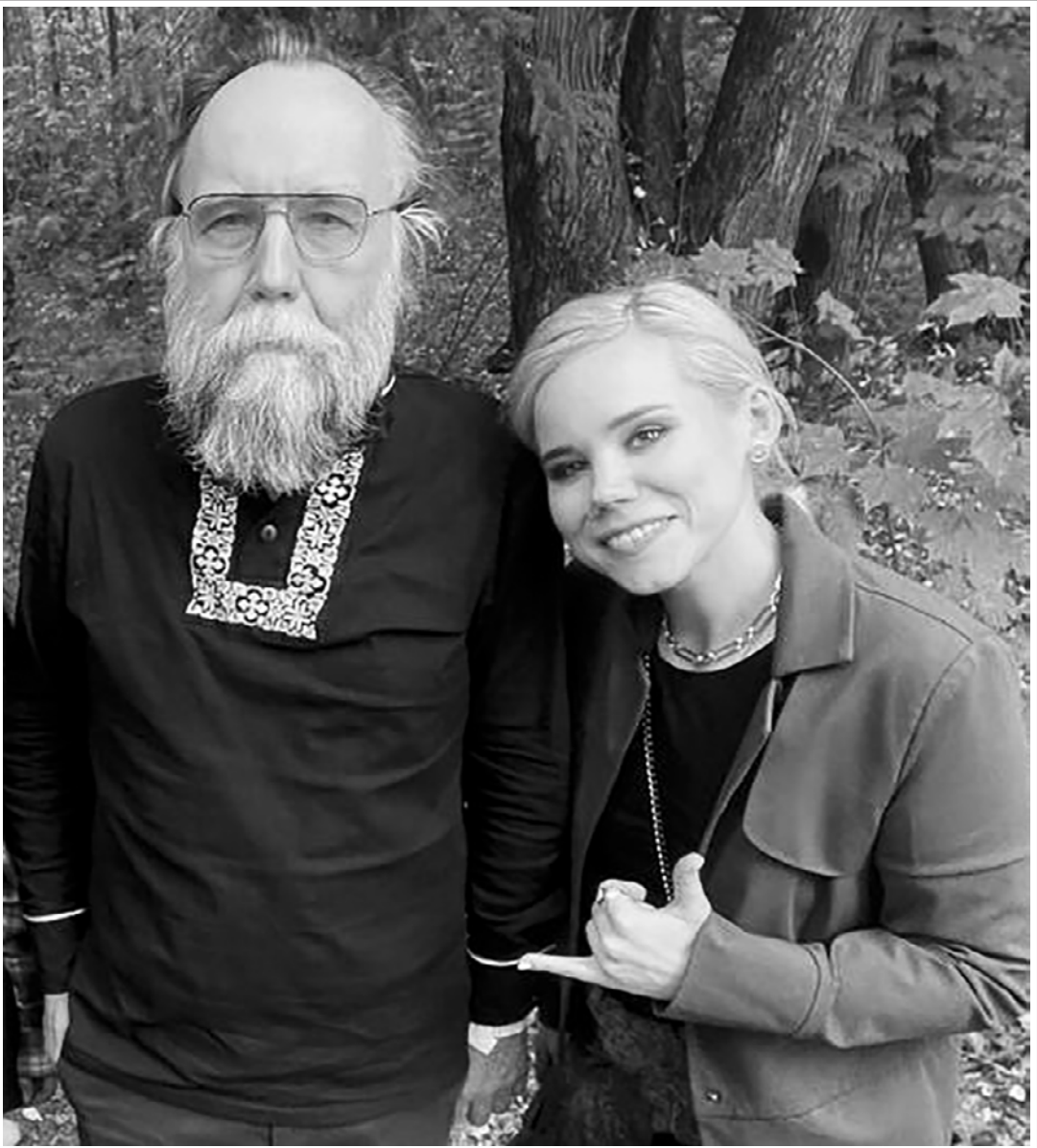
И самая большая цена, которую приходится платить, может быть оправдана только высшим достижением — победой. Она жила во время победы, и она погибла во время победы. Нашей русской победы, нашей истины, нашего право-славия, нашей страны, нашей державы".

Так будет!

Владимир БОЛЬШАКОВ. Нет страшнее беды, чем хоронить своих детей, невнясио тя-жело даже видеть такое горе рядом. Это не про-стая трагедия, она нарушает непреложный закон природы. И в такой момент нечеловеческого ис-пытания Александр Дугин, философ, глубочай-ший мыслитель современности, находит в себе силы сдерживаться и говорить высокие слова, ко-торые уносятся в вечность к его любимой дочери Дарье вместе с сопереживанием всей России.

Александр Дугин, по данным американского издания Foreign Policy, входит в сотню "глобаль-ных мыслителей" современного мира. Всем хо-рошо известно, что он сам и его погибшая дочь открыто поддерживали спецоперацию на Укра-ине. Дарья неоднократно выезжала в респу-блики Донбасса, где работала журналистом и помогала мирным жителям. Вместе с отцом они находились в санкционных списках Запада за якобы дестабилизацию ситуации на Украине, и постоянно получали угрозы.

Ровно год назад, 20 августа 2021-го, на своей страничке в соцсети Александр Дугин оставил пост, который сейчас выглядит как зловещее пророче-ство: "То, что меня не убивает, убивает кого-то ещё". Сегодня досужие аналитики говорят, что это не случайность, что именно Дарья, а не её отец, могла быть целью покушения. Действительно она стала узнаваемой и значимой в публичном полити-ческом пространстве, часто появлялась на телеэ-кранах, активно вела собственные соцсети. Была Дарья и в Мариуполе — там она снимала репор-таж об освобождении города и рассуждала о буду-щем Донбасса. Не исключено, что целью могли

быть и отец, и дочь одновременно, — в усадьбу Захарово они приехали вместе, на той самой взор-вавшейся машине. И уехать они должны были тоже вместе, но Александр Дугин в последний мо-мент, по воле случая, сел в другой автомобиль.

Несомненно, что если за этим стоят спец-службы какой-то страны, которые используют террор в качестве средства политической борьбы, то надо понимать, что здесь совершенно преступление мирового масштаба, требующее тщательного расследования и наказания пре-ступников. Эта чудовищная смерть не может оставить никого равнодушным, она погружает нас в неизяснимые, полные переживания и скорби сферы нашего сознания. Эта, казалось бы, личная беда вдруг объединила, сплотила в своём стремлении остановить распространение зла весь непокорённый Русский Мир.

Дарья, как и отец, поддерживала евразий-скую — идею сближения республик бывшего СССР. Друзья Дарьи говорят, что она всегда улы-балась, обожала Россию, отца и французский язык. Её оптимизм поражал и заражал всех. "Ты навсегода останешься в моём сердце, твои слова останутся в моих научных работах, сверкая как бриллианты", — подобными словами напо-лнился в день трагедии интернет. Писали родные и близкие, и просто знакомые люди.

Сегодня эта трагедия означает для нас нечто большее, чем горе одной семьи, она должна про-будить нашу уснувшую коллективную совесть, открыть перед нами вселенский мистический масштаб противостояния с разлагающимися кол-лективным Западом, набросившимся всей своей мощью на защитников идеалов Святой Руси. Пе-ред нами вдруг открылась простая истина: каж-дый из нас беззащитен и может стать жертвой злых сил, и только вместе, объединившись в со-борном единстве всем Русским Миром против врагов внешних и внутренних, мы сможем обе-спечить свою безопасность, выжить и победить в этой зловещей войне, где, в полном смысле слова, вершится "борьба добрых и злых духов".

В этот трагичный день Россия потеряла жи-зненно важного и бесстрашного бойца — Дарью Платоновну, но Небесное Русское войнство по-полнилось новой лучезарно-яркой звездочкой.

Она погибла за Россию на фронте, который проходит через сердце каждого из нас. Она жила и погибла во имя Победы. Нашей Русской Победы! Россия — свет миру! И этот свет, наполняясь такими бесценными жертвами, превращается в неугасимую Вселенскую лампаду, способную спасти от погружения во тьму зла весь мир, всю нашу планету Земля! И "Дарья Дугина несла в себе этот небесный свет", — как сказал в памя-тном слове Александр Проханов.

Сергей ПИСАРЕВ. В связи с чудовищным тер-актом, в результате которого погибла Дарья Ду-гина — дочь известного российского философа, тема "необходимости идеологии" звучала с но-вой силой. Враги России показывают открыто, что носители идеологии для них не менее опасны, чем штаб Черноморского флота. Ну, а раз даже враг так считает... Впрочем, и внутри российского об-щества так начинают считать всё больше и больше её граждан, от, что называется, "простых" до са-мых "непростых". При этом даже во время высту-пления представителя экспертного сообщества продолжат звучать лишь заявления о "необходи-мости идеологии", иногда — критика действующей сегодня повсеместно либеральной, но ничего не говорит о наличии у общества её альтернатив. Кроме очевидных классических: Православной Монархии, Социализма. А ведь они, очевидно, существуют. Вот лишь несколько примеров. Избор-ский клуб в лице его духовного лидера А. Проха-нова уже несколько лет продвигает концепцию Русской Мечты. Очень интересный и яркий идео-логический труд. Ещё в 2005 году мы с коллегами предложили Русскую Доктрину, которая, по сути, легализовала на тот момент такие понятия, как "русскость", "патриотизм", "государственная неза-висимость", "консервативные ценности". Её ме-ждународный раздел послужил основой знаменитой "мюнхенской речи" В. Путина.

Судя по выступлениям многих экспертов, очевидно, существует Евразийская идеология, которая, по мнению некоторых авторов, не про-сто имеет место, а как бы уже и принята к ис-полнению российским руководством.

Ещё в 2008 году была предложена идеологи-ческая концепция Россия — Ноев ковчег. В 2019 году на её основе под редакцией Ю. Громько и Ю. Крупнова вышла работа "Россия — Ноев Ковчег человечества", а в 2020 году под редак-цией В. Аверьянова — "Русский Ковчег. Альтер-нативная стратегия мирового развития".

В качестве современной российской идеоло-гии предлагались "Патриотизм", "Православие", "Многодетная семья". Очень интересные пред-ложения на эту тему озвучивались на "Русской народной линии" и в других патристических СМИ. Предлагалось использовать в качестве её основы работы Ильина и Данилевского...

Может быть, пришло время перейти от дис-куссии "нужна — не нужна идеология в России" к дискуссии "какая из существующих идеологий нужна современной России"? Для начала обсуж-дения вариантов более чем достаточно.

Такая работа могла бы вестись под общим ку-рированием соответствующей структуры Админи-страции Президента. В качестве дискуссионных площадок могли бы выступить заинтересованные СМИ, общественные организации. Была бы акту-альна еженедельная передача на одном из цен-тральных ТВ-каналов, скажем, с названием про-граммы "Битва идеологий". Спикерами-экспертами могли бы выступать авторы или сторонники тех

или иных идеологических концепций. Думаю, что понадобится не больше года, чтобы в результате открытой дискуссии в этой "битве" выявился побе-дитель. А он жизненно необходим, и это выяси-лось в результате многолетних рассуждений на тему "нужна — не нужна".

Непрофессиональное или пренебрежитель-ное отношение к этому вопросу привело к 1917-му, а позднее и к 1991 году. Битва идеологий бескровна и продуктивна. Битва их представите-лей всегда кровава и разрушительна.

Предсказанный "партнёрами" конец Истории не состоялся — она продолжится битвой идео-логий в умах и специальной военной операцией на Украине против мирового зла.

Сергей БАРАНОВ. Убийство Дарьи Дугиной — это теракт против русской цивилизационной мысли. Это вызов всем, кто предлагает идеи ради-кального развития России и мира, пересмотра ко-лональной западной системы в консервативно-революционном духе. Это не просто знак всем тем, кто выступает по теме русской переделки Украины, это прямая угроза всем нам: "заткнитесь и жуйте обычную ничёмную идеологическую жвачку". Раньше философов и идеологов в России не убивали. Но настал момент, когда их слово при-обрело практическую значимость того доведка, ко-торый способен склонить чашу весов истории. Ко-нечно, теракт совершён в духе украинства, а дух украинства — это психологический и моральный террор против оппонентов, переходящий в физиче-ский. Террор связан с тем, что украинство в со-временном виде — это предательство самого себя ради ложного успеха. За ним скрывается отчаяние, страх и осознание своего ничтожества.

Но не украинский моральный террор, конечно же, главный мотив неожиданного, жестокого и цин-ичного убийства. Это стиль западной "культуры отмены", радикального трансгуманизма, который стоит за украинским террористическим проектом. Сейчас мы приблизились к тому историческому моменту, когда спустя полгода после начала спец-операции изменения, в том числе в плане круше-ния неокончательного порядка Запада, приобре-тают необратимость. Пока ещё не приобрели, хотя необратимость в них заложена. Мир привык жить в новых реалиях и не подчиняться. Русские долго запрягали, но вот они уже злытые поехали. Не изборождали симулякры, как казалось нашим врагам, а именно "поехали!" Это шокировало.

Отчаянно сопротивляются спои, встроившие в "присосавшуюся" к телу России и других стран про-пагандную неокончательную инфраструктуру вну-три России и в Восточной Европе, у которых, каза-лось бы, есть всё. Кроме России и кроме мира, и настоящих "мозгов". Многие из них не способны понять ничего; но до части из них, способной мыс-лить, стало доходить, что они совершили жизнен-ную ошибку или предательство. Именно в ближай-шие месяцы должно всё решиться. Сладостная близость окончательного решения вопроса о буду-щем России делает казус Дугинных символом исто-рического момента нашего цивилизационного взросления, нашего перехода к обретению самих себя. Дугины — теперь это мы, в определённом смысле, как бы мы ни оценивали работы Алексан-дра Гельевича. Истинная философия пишется кро-вью, а не разжиженной субстанцией псевдорацио-нальных симулякров. Грядёт и смена парадигмы в российской мировоззренческой мысли, от спокой-ного самоудовлетворённого грантоедства и псев-доакадемизма к философии "пограничной", "на ли-нии фронта", философии крайних состояний бытия. Об этом писал Александр Дугин в послед-нее время. Нас подталкивают к вопросу: быть или не быть? К его практическому решению. Это насто-ящая мессиянская и эсхатологическая погранич-ная ситуация. Чтобы преодолеть исторический пе-реходный рубеж, русская мысль и практика должны быть радикальными.

В чём этот переход к самим себе? Александр Дугин в 1990-е годы, со времён журнала "Эле-менты", ввёл нас в широкий круг мировой консер-вативно-революционной мысли, в котором, на мой взгляд, развивалась и развивается также и рус-ская философия и шире — вся русская мировоз-зренческая мысль. Как бы мы ни трактовали её содержание и контуры, это наш путь. Путь тради-ционного и динамичного общества и личности во-обще: русской, евразийской, традиционной. В за-падномвариантетеннаправление —разновидность философского антиимпериализма Европы, которая даёт надежду на будущее этой части мира.

Мировоззрение традиционализма многолико. Дугин показал, что значение революционного консерватизма является общемировым, а не узко национальным, в частности, через меха-низмы широкой идеологии евразийства. Значе-ние его сопоставимо со значением реального и прикладного социализма, родившегося в СССР. Нашей стране, её подлинной элите, взявшей в этом году на себя тяжелейшую трудноподъём-ную роль авангарда мирового освобождения, нужно иметь именно такую острую идеологию будущего. Ведь мы срываем планы окончатель-ного поражения и уничтожения традицион-ного человека в 2026–2036 годах. Манифесты, книги и материалы Дугина — об этом. О судьбе большей части человечества вне паучьих пут глобальной олигархии. Но для победы необо-димо напор свежего ветра истории — жизненный порыв, — в этом наше время. Следующий шаг — это шаг к созданию нового порядка, но-вого традиционного человечества цивилизации народов и цивилизации Севера и Юга, Востока и Запада, к формированию нового социального и экономического уклада вне пут ростовщиче-ского капитализма. Пока в виде проекта, кото-рый, однако, будет быстро осуществляться.